

Е.А. Науменко

Из опыта воспитания конфессиональной толерантности студентов

В статье рассматривается опыт воздействия на религиозное сознание мусульман через систему образования с целью предупреждения экстремистских настроений, на основе проведенного в 2009–2013 годах эксперимента в одном из вузов Тюменской области. В исследовании использован метод сравнения образовательных систем России и Германии; анализируется современная система конфессионального образования в Германии с выявлением недостатков и противоречий. Автор подчеркивает, что изученный опыт не обеспечивает религиозную толерантность в немецком обществе, и обращается к практике конфессионального образования в России.

Ключевые слова: ислам; экстремизм; терроризм; мусульмане; образование; педагогический эксперимент; конфессиональное образование.

События ноября 2015 года, когда в Париже прогремела серия террористических актов, открыли новую страницу в понимании ислама и организации конфессионального образования в Евросоюзе. В этой связи интересен опыт России в сравнительном контексте с Германией.

С 1773 года в Российской империи началась политика целенаправленного формирования веротерпимого варианта ислама [3: с. 15], в том числе через смешанные русско-татарские классы [2: с. 101]. Впервые в современной России идея воздействия на культуру ислама через школу как средство борьбы с терроризмом была предложена Ю.М. Антоняном [1: с. 230]. Автор обосновал необходимость введения для учеников-мусульман обязательной дисциплины по изучению Корана с акцентом на суры, касающиеся веротерпимости и нравственных ценностей. Эта идея поначалу не нашла поддержки у представителей государственной власти в силу ее противоречия с Конституцией РФ: нарушались принципы светского характера государства и равенства религий [5: с. 107]. Между тем, в учебный курс государственных и муниципальных школ все же были введены такие дисциплины, как «история религий», «религиоведение», консультации по вопросам религии и тому подобное, которые, пополняя знания учеников в целом, все же не обеспечивали конфессиональной толерантности.

Европейский союз, столкнувшись с крахом идеи мультикультурализма и религиозным экстремизмом, также не может действовать более решительно в силу сложившегося демократического мировоззрения и развитого в нем понятия свободы: любое давление или попытка корректировки религиозного поведения рассматривается как нарушение прав личности. Данный подход

ощутимо влияет на содержание религиозного образования, в котором наиболее преуспела современная Германия. В ее истории накоплен богатый опыт католических и лютеранских классов с целью закрепления в обществе немецкой культуры и системы нравственных ценностей, при этом школа сама выбирает религию для преподавания [6: с. 41]. В соответствии с этой традицией и нормативной базой, в начале XXI века, когда численность мусульман в Германии достигла 8 %, там было введено преподавание ислама для детей из мусульманских семей.

Программы, отличающиеся в разных землях в соответствии с доминирующим там вариантом ислама, основываются на том, что школа должна воспитывать в учениках духовность, а не просто давать знания о религии. Преподаватели отказались от оценок религиозных течений, подчеркивая, что каждая религия самоценна. Обучение проходит в двух основных формах: 1) в виде консультации по религии в рамках занятий по родному языку (земли Баден-Вюртемберга, Берлина, Бремена, Гамбурга, Саара и Шлезвиг-Гольштейна); 2) в виде официального урока в школе (в Гессене, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии и Рейнланде-Пфальце) [6: с. 48]. Между тем, по мнению Д. Эспозито, такие организационные формы обучения исламу содействуют сохранению этнической культуры, но только не формированию конфессиональной толерантности [7: с. 297].

Среди слабых моментов этой системы можно отметить следующие:

1. По мнению Д. Эспозито, «поскольку исламская религия разделяется на множество течений, то не для всех подходят данные уроки», — то есть акцент ставится на изучение того варианта ислама, какой предпочитает семья ученика. Занятия могут проводить сами родители или любой человек, которого выберет мусульманская община. Однозначно, что данный подход будет культивировать экстремизм, если учителем выступит соответствующая личность, поскольку уровень субъективной оценки, восприятия, трансляция норм и правил конфессиональной модели будут максимальными. Радикально настроенные исламисты ориентированы на принципиально личностный подход в подготовке кадров. Наиболее яркие и харизматически ориентированные личности осуществляют подготовку религиозных адептов, прежде всего, через систему религиозного образования. В условиях, когда разрешены к преподаванию любые направления ислама, даже государственный контроль за содержанием занятия будет малоэффективен, так как радикальные идеи могут носить скрытую форму, представляя собой непонятную для непосвященного в ислам интерпретацию сур и аятов Корана. Как результат такого подхода — марш мусульман-радикалов с черными знаменами джихада и соответствующими лозунгами, прошедший в Ганновере накануне парижских терактов, о котором вспомнили в СМИ лишь после трагедии.

2. Занятия проходят в мононациональных (как правило, турецких) классах, на родном языке. Таким образом, в процессе обучения ученики замыкаются в рамках своей национальной культуры, аутентичности и недостаточно

соприкасаются с немецкой культурой: изучая историю Германии в целом, они ничего не знают о лютеранстве. С другой стороны, ученики немецкого происхождения ничего не знают об исламе и культуре Турции и странах Арабского Востока. Данные обстоятельства не могут содействовать воспитанию религиозной толерантности. Более того, создание мононациональных классов формирует конфликт интересов между детьми разных национальностей в силу сопутствующих факторов [4: с. 122]. Среди них можно выделить два: во-первых, уровень жизни мигрантов значительно ниже, чем у коренных немцев; во-вторых, среди приезжих широко распространена следующая позиция: «У меня чего-то... нет, потому что у них (коренных) это есть, то есть это отнято когда-то у меня». Такая философия формирует неприязнь мигрантов к местному населению. Подобные настроения часто исчезают (или не возникают) в детских коллективах в ходе личных, дружеских контактов, но в Германии этому препятствует мононациональность учебных классов.

3. Отказ от оценок изучаемых религий и их направлений вводит детей в заблуждение, оставляет «на распутье». Дети склонны ориентироваться на авторитет старшего, тем более учителя, и неопределенность позиции преподавателя может лишь культивировать экстремизм, так как знания о каком-либо направлении ислама ученикам уже даны.

Эти проблемы преодолены в ходе описанной ниже педагогической деятельности в одном из регионов России, исторически считавшемся мусульманским: юг современной Тюменской области — место компактного проживания сибирских татар. Опираясь на дореволюционный опыт целенаправленного изменения религиозной культуры учащихся в смешанных православно-мусульманских классах, при условии равного владения учителем обеих культур, в 2009–2013 годах в Тюменской государственной академии международной экономики, управления и права в рамках специальности «регионоведение» был проведен эксперимент по преподаванию дисциплины «Религии изучаемого региона».

Состав экспериментальных групп носил смешанный православно-мусульманский характер и включал следующие характеристики.

Таблица 1

Состав экспериментальной группы

Учебный год	Число студентов в группе (чел.)	Число студентов, относящих себя к мусульманской культуре (чел., %)	Число студентов, относящих себя к православной культуре (чел., %)
2009/2010	26	7 (27 %)	19 (73 %)
2010/2011	21	6 (28,5 %)	15 (71,5 %)
2011/2012	15	5 (30 %)	10 (70 %)
2012/2013	11	4 (36 %)	7 (74 %)

Первоначальная цель эксперимента не включала воспитание конфессиональной толерантности, а была направлена на повышение качества образования.

Предполагалось, что выпускники данной специальности будут работать в системе государственного и муниципального управления Тюменской области как на управленческих должностях, так и в качестве консультантов по особенностям развития региона. В связи с тем, что этноконфессиональные процессы в Тюменской области обладают исключительной сложностью, на изучение дисциплины «Религии изучаемого региона» был отведен годовой курс объемом 144 часа аудиторных занятий с зачетом и экзаменом (общее количество часов — 292 на группу). Программа предполагала изучение не только истории религий, их особенностей в Тюменской области и современного состояния, но и более глубокое освоение: непосредственное изучение Корана, Библии и Торы в интерпретациях разных богословов. Курс также предполагал обязательное посещение мечети, православной церкви, католического костела и синагоги, а также изучение музейных фондов с экспонатами религиозных культур. Предполагалось, что при таком подходе студенты смогут стать высококвалифицированными специалистами в сфере этноконфессиональных отношений региона.

Количество студентов в обучаемых группах варьировалось (набиралась одна группа на потоке), среди них присутствовали представители православной и мусульманской культур. Отказаться от изучения религиозного первоисточника и посещения культового учреждения «не своей» религии было нельзя в силу обязательного характера дисциплины. Кроме того, необходимость изучения дисциплины определялась связью «не сдана тема — не сдан экзамен — отчисление». При этом студентам объяснялось, что преподаватель обычно идет навстречу их религиозным чувствам, но не в этом случае, а при несогласии с содержанием дисциплины студент может перевестись на другую специальность. Таким образом, студентам фактически не оставляли выбора.

В отличие от опыта конфессионального обучения Германии, в учебном процессе преподаватель не отказывался от оценочных категорий и понятий, таких как «тоталитарная секта – плохо / ортодоксальное православие – хорошо», «исламский фундаментализм – плохо / традиционный ислам – хорошо» и других подобных. Но при этом каждое занятие начиналось с позитивной оценки изучаемой мировой религии, например: «Ислам — одна из самых величайших и веротерпимых религий, а Коран — мудрейшая в мире книга». Этот посыл изначально формировал у студентов-мусульман доверие к преподавателю и отнесение его к миру «своих», одновременно настраивая студентов других конфессий на уважительное отношение к исламу. При обучении акцент не ставился на какой-либо один вариант ислама: изучались постулаты всех наиболее крупных школ и направлений в сравнительном контексте, с их обязательной оценкой.

Результаты изучения дисциплины в первый же год показали высокий уровень знаний, но одновременно проявился позитивный «побочный эффект»: в группе исчезли национальные и религиозные противоречия. В последующие три года формирование конфессиональной толерантности было определено как одна из целей эксперимента, и желаемый результат ежегодно подтверждался.

Результаты опросов студентов разных вероисповеданий и культур свидетельствуют, что они начали хорошо понимать друг друга: «...если бы я раньше знала то, что знаю сейчас, я бы никогда ему [мусульманину] такого не сказала...», «теперь я понимаю, почему он [мусульманин] так поступил...», «я раньше презирал русских, но теперь понимаю: религия у них такая...» и т. п.

Описанный подход можно применять как превентивную меру, но он малоэффективен при обучении студентов с высоким уровнем религиозности. Интересен пример, иллюстрирующий такое утверждение. В составе одной из групп училось два человека, принявшие радикальный вариант ислама: студент русской национальности и студентка казахской национальности. Религиозное сознание студента удалось переломить только через два года при поддержке муллы и верующего мусульманина, предложившего помощь. При этом студент отвергал любые беседы педагогов, и воздействие на него пришлось осуществлять помощнику-мусульманину под вымышленным именем через контакты в Интернете, пока студент не согласился встретиться с муллой, заранее ознакомленным с проблемой. Религиозное же сознание студентки удалось лишь отчасти смягчить в плане отношения к товарищам по общежитию (например, не ставить громко будильник на 05.00 для совершения намаза), но изменить ее представления и преодолеть религиозную агрессию не удалось.

В рамках эксперимента происходила попытка применить элементы этой методики при изучении гуманитарных дисциплин в других смешанных этноконфессиональных группах, где численность мусульман доходила до 50 % при общем составе групп около 30 человек. Примером является дисциплина «Основы права» на третьем курсе специальности «экономика» в Тюменском государственном университете; там методика применялась при построении содержательной части дисциплины: изучение права происходило в сравнительном аспекте шариата и российской правовой системы. Методика оказалась неэффективной даже для улучшения качества знаний, так как у студентов-мусульман, которые уже сложились как личности (возраст 20 лет и больше) начинал преобладать групповой эффект доминирования и происходило отторжение информации: они считали, что «про ислам и шариат знают больше, чем русский преподаватель».

Из практики нашего эксперимента можно подвести некоторые итоги и, прежде всего, указать на общую эффективность превентивной работы в сфере исламского экстремизма и конфессиональной толерантности, но при соблюдении ряда условий. Такой эффект достигнут посредством погружения студентов в содержание специального курса «Религии изучаемого региона», построенного на использовании опыта конфессиональной политики и просвещения дореволюционной России. Содержательное изложение такого опыта наиболее действенно проявляется при следующих условиях:

1. Количество студентов-мусульман в группе должно быть меньше 50 % от общего ее состава (идеально — 30 %). При большем числе срабатывает социально-психологическая установка доминирования при которой происходит

частичная деиндивидуализация сознания студентов большей части группы. Обсуждаемый смысловой материал подкрепляется коллективным архетипическим значением конфессионального образа. Этот эффект производит сильное групповое противодействие логике толерантного сравнения и сопоставления догматических, обрядовых и других конфессиональных построений. Кроме эффекта доминирования в практике образовательного процесса при численном превосходстве студентов-мусульман четко реализуются и другие социально-психологические групповые эффекты.

Эффект «заражения» определяет доминирующее влияние на сознание группы наиболее ортодоксальных конфессиональных и связанных с ними поведенческих позиций отдельных студентов, действия и взгляды которых некритически начинают поддерживаться всеми членами группы. Кроме того, весьма заметным остается и групповой эффект социальной установки «исключительности и избранности», изменить который должен преподаватель, гармонизируя этнические и конфессиональные отношения студентов в их социальной, профессиональной, бытовой действительности.

Нельзя не отметить исключительно важный эффект групповой динамики, имеющий значение в процессе эффективной конфессиональной гармонизации студентов, достигаемый средствами специализированных занятий, — конфессиональный конформизм. Чем больше будет численное доминирование представителей ислама в одной учебной группе, тем больший эффект конформных реакций мы будем наблюдать в группе. Поэтому подавляющее количество студентов данной конфессиональной ориентации будет поддерживать и проявления крайних типов своих конфессиональных догматов. Переломить такой социально-психологический эффект средствами педагогического воздействия бывает чрезвычайно трудно.

Методически правильное, психологически выверенное формирование академической учебной группы является первоосновой продуктивной и, в конечном счете, эффективной мерой успеха конфессионального просвещения и гармонизации социальных отношений вузовской молодежи.

2. Наиболее восприимчивый возраст студентов в данном эксперименте — 17–19 лет. Поэтому дисциплину этноконфессионального цикла необходимо планировать на младших курсах вуза (1–2 курсы) или в старшем классе средней профессиональной и общеобразовательной школы.

3. Очень важен численный состав академических групп, изучающих эту дисциплину: оптимальное число студентов должно соответствовать 8–15 человекам (что в социально-психологическом измерении соответствует характеристикам малой группы).

4. Объем аудиторных и внеаудиторных занятий должен быть содержательно достаточным, то есть конфигурация этнической и конфессиональной гармонизации в процессе занятий должна осуществляться регулярно и длительное время.

5. Обязательными являются требования к преподавателям конфессиональных дисциплин: они должны иметь высокую квалификацию и значительный

авторитет. Преподаватель не должен быть глубоко верующим человеком — этот факт позволит ему не отдавать предпочтения ни одной религии. Именно поэтому для преподавания дисциплин конфессионального цикла нельзя приглашать священнослужителя какой-либо конфессии.

6. Включение в учебный план дисциплин конфессионального цикла в том объеме и варианте, который присутствовал в эксперименте, представляется, в определенной мере, делом затратным. Однако необходимость такой практики вузовского образования диктуется необходимостью построения надежного конфессионального мира, благополучия и гармонизации, поэтому затраты на такую работу имеют достаточное основание.

Рассмотренный опыт может являться частью государственной программы по разрешению этноконфессиональных противоречий и профилактике экстремизма в комплексе с иными мерами правового, политического, воспитательного характера.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит М, 2001. 306 с.
2. *Бакиева Т.Г.* Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 100–109.
3. *Бортникова Ю.А.* Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 265 с.
4. *Науменко Е.А.* Управление конфликтами: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 306 с.
5. *Науменко О.Н., Науменко Е.А.* Социально-психологические аспекты применения технологий связей с общественностью в работе регионального органа власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 6 (265). С. 105–110.
6. *Щербанев Д.Ю.* Внедрение обучения исламу в систему религиозного образования государственных школ современной Германии: дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 167 с.
7. *Esposito J.* Islam and Politics. Syracuse. New-York: Syracuse University Press, 1991. 352 с.

Literatura

1. *Antonyan Yu.M.* Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugodovno-pravovoe issledovanie. M.: Shhit M, 2001. 306 s.
2. *Bakieva T.G.* Reformy' v sisteme obrazovaniya u sibirskix tatar vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik arxeologii, antropologii i etnografii. 2008. № 8. S. 100–109.
3. *Bortnikova Yu.A.* Gosudarstvennaya politika kak faktor e'volucii musul'manskoj xudozhestvennoj kul'tury' Tyumenskogo regiona (1773–1991 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Kemeroovo, 2014. 265 s.

4. *Naumenko E.A.* Upravlenie konfliktami: uchebnoe posobie. Tyumen': TyumGU, 2007. 306 s.

5. *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* Sotsial'no-psixologicheskie aspekty' primeniya texnologij svyazej s obshhestvennost'yu v rabote regional'nogo organa vlasti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psixologiya. 2012. № 6 (265). S. 105–110.

6. *Shherbanev D.Yu.* Vnedrenie obucheniya islamu v sistemu religioznogo obrazovaniya gosudarstvenny'x shkol sovremennoj Germanii: dis. ... kand. ped. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 167 s.

7. *Esposito J.* Islam and Politics. Syracuse. New-York: Syracuse University Press, 1991. 352 c.

E.A. Naumenko

From the Experience of Upbringing Confessional Tolerance of Students in a «Muslim» Region

The article considers the experience of impact on the religious consciousness of Muslims through the education system with the aim of preventing extremist attitudes, based on the experiment carried out in 2009–2013 in one of the universities of Tyumen region. In the study the author used the method of comparison of educational systems of Russia and Germany; he analyses the current system of confessional education in Germany with identification of shortcomings and contradictions. The author emphasizes that the studied experience does not ensure religious tolerance in German society, and turns to practice of confessional education in Russia.

Keywords: Islam; extremism; terrorism; Muslims; education; pedagogical experiment; confessional education.